

ПОБЕГ И СПАСЕНИЕ

Специальная выставка Мемориального музея Холокоста США

ПОБЕГ И СПАСЕНИЕ

С началом войны в сентябре 1941 года более трех миллионов евреев на территории Польши, оккупированной Германией и Советским Союзом, попало в ловушку. Только небольшая часть смогла избежать террора, который достиг своей кульминации в период Холокоста. В конце 1940 - начале 1941 годов, за несколько месяцев до того, как начались массовые убийства, 2 100 польских евреев бежали на Дальний Восток и дальше. Это был длинный путь в 9 600 километров на восток с мест их первого прибежища в Литве. До Японии они передвигались на поездах Транссибирской магистрали и на пароходах. Для многих местом их последней ссылки стал Шанхай.

Благодаря неустанным усилиям многих людей эти беженцы смогли обрести безопасное пристанище. Еврейские организации и общества предоставляли беженцам материальные средства и другую помощь. Но наиболее решающее содействие пришло от неожиданных источников: представителей голландского правительства в изгнании и союзника нацистов – Японии. Их гуманитарная деятельность в 1940 году стала решающим актом по спасению еврейских беженцев из Польши, временно обосновавшихся в Литве.

“Мы запомнили атласы и глобус и стали экспертами в зарисовке – для послов и консулов – схем самых запутанных маршрутов. Там где не было пути, мы его прокладывали сами, и не только на бумаге, но и на реальной местности.”

Из послевоенных воспоминаний руководителя беженцев Зораха Варгавтига.

ПОБЕГ

Немецкое и советское вторжение в Польшу.

После вторжения Германии в Польшу в сентябре 1939 года сотни тысяч евреев и несчетное число других польских граждан бежали на восток, опережая продвижение немцев. 17 сентября, выполняя условия секретного соглашения с Германией, Советские войска заняли восточную Польшу, где предположительно 300 000 евреев приняли Советскую власть и, выбрав из двух зол меньшее, остались на месте. Около 40 000 евреев продолжали двигаться на юг – в Румынию и Венгрию или на северо-восток – в Литву, опасаясь ареста как нацистами, так и Советами. Кроме того была надежда на эмиграцию с неоккупированных территорий за границу.

По мере распространения известий о предстоящей в октябре передаче Советами Вильнюса и его окрестностей под контроль Литвы тысячи евреев устремились в древний центр еврейской культуры. На этот раз границы были закрыты, попасть в Литву стало рискованно, и многих, кто пытался прорваться, повернули назад.

“Паника, массовый отъезд... Множество людей оставляют свои дома и перемещаются в неизвестное будущее.”

Из дневника Давида Сераковяка, Лодзь, Польша, 6 сентября 1939 года.

“Нашу страну проглотили две прожорливые и бесстыдные власти, каждая из которых претендовала на мировое господство. Польские евреи, насчитывавшие три с половиной миллиона и составлявшие самую многочисленную еврейскую общину, были теперь в смертельной опасности.”

Из послевоенных воспоминаний руководителя беженцев Зораха Варгавтига.

УБЕЖИЩЕ

Временное пристанище в Литве.

Осенью и зимой 1939 года приблизительно 15 000 польских евреев нашли временное пристанище в политически независимой Литве, главным образом в Вильнюсе. Основная часть беженцев принадлежала к элитным, образованным слоям общества, которые столкнулись с преследованиями во вступившей в войну Польше за их культурную, политическую и религиозную принадлежности. Другие семьи просто имели финансовые возможности избежать опасности войны и оккупации. Многие беженцы хотели в конечном итоге достичь Соединенных Штатов или Палестины.

Бежав с малочисленными пожитками и не имея разрешения на работу в Литве, многие беженцы были вынуждены прибегать к посторонней помощи. Большие средства пришли из фондов, выделенных Американской благотворительной организацией – Еврейским объединенным комитетом по распределению ("Джойнт"). Неуверенность в завтрашнем дне и тревога за родственников, оставшихся в оккупированной Польше, не вселяли надежду на скорый конец войны и на постоянство литовского нейтралитета. Ни одна из этих мыслей не казалась реальной.

Краткое описание беженцев

Наибольшее число взрослых мужчин-беженцев были членами различных организаций сионистской молодежи, чьей целью было построить родину евреев в Палестине, а также раввинов и студентов польских довоенных религиозных школ (ешив). Все они продолжали учебную и образовательную деятельность в Литве.

В этих организациях состояли также бизнесмены, юристы, учителя, журналисты и врачи, многие из которых были безработными или трудились в качестве волонтеров в общине беженцев. В бесплатных столовых или кафетериях писатели и политические активисты встречались, чтобы обсудить военные новости. Для многих эмиграция стала задержкой, потому что литовские власти, боясь подвергнуть опасности свой нейтралитет, запретили польским гражданам призывного возраста покидать страну.

“Евреи, бежавшие в Литву, подвергались опасности как со стороны немецких, так и со стороны советских оккупантов.”

Сионистский лидер Моше Клейнбаум, Вильнюс, 12 марта 1940 года

Зорах Варгавтиг

Зорах Варгавтиг был юристом из Варшавы и руководителем религиозной сионистской организации *Хе-Халуц Мизрахи*. Будучи беженцем, он был инициатором попыток по спасению сионистов из оккупированной Польши и созданию для них учебных хозяйств в окрестностях Вильнюса. Работая в составе Палестинской комиссии с польскими беженцами в Литве, Варгавтиг активно содействовал *алие* – иммиграции в Палестину. Он помог 500 беженцам попасть туда через Скандинавию и Францию до того, как Германия вторглась в западную Европу и заблокировала этот путь. При участии

Варгавтига 700 человек смогли бежать через Турцию в начале 1941 года.

Освободительные операции

Бесчисленное количество агентств работало с литовским правительством и Красным Крестом, обеспечивая помощь еврейским беженцам. Крупнейшим был Американский еврейский объединенный комитет по распределению ("Джойнт"), который доставлял фонды через Комитет помощи еврейским беженцам в Вильнюсе и Каунасе. "Джойнт" послал своего американского представителя Мозеса Бекельмана работать с Ицхаком Гиттерманом, беженцем, перенесшим варшавскую центр организации в Вильнюс. Команда активистов создавала общежития и бесплатные столовые, распределяла одежду и обувь и предоставляла другие услуги.

"Если бы не деньги, выделенные "Джойнтом" ... [мы] нашли бы здесь... брошенных на произвол судьбы людей"

Сотрудник американской благотворительной организации Самуел Шмидт, 17 марта 1940 года.

Мозес Бекельман

Социальный работник из Нью Йорка Мозес Бекельман начал работать в "Джойнте" в 1939 году. В Литве он показал себя как мудрый посредник, ведя переговоры с представителями властей с целью улучшения жизни еврейских беженцев в условиях государственной неразберихи и ограниченных финансовых ресурсов. В декабре 1939 года Бекельман уехал из Литвы, имея на руках подробные отчеты о преследовании нацистами евреев в оккупированной Польше, но на Балтийском море немцы задержали его корабль и арестовали всех граждан Польши призывного возраста, находившихся на борту. Бекельману разрешили вернуться в Литву, где он оказывал помощь беженцам до февраля 1941 года.

Страх за родственников, оставшихся в оккупированной Польше.

Беженцы находились в постоянной тревоге за близких, оставшихся на родине. Уже в первые месяцы пребывания нацистов в Польше все население этой страны страдало от оккупантов, сегрегация же и преследования нацистами евреев включали в себя облавы с целью отправки их на принудительные работы, приказы носить отличительные знаки и создание первого главного Лодзинского гетто, отрезавшего евреев от внешнего мира. Многие беженцы пытались перевезти родственников в Литву, но это было невозможно осуществить тем, кто сам прибыл в Литву нелегально. Другие, оказавшиеся на оккупированных территориях, даже не предпринимали попыток бежать, боясь ареста или желая остаться с пожилыми родителями или маленькими детьми.

СОВЕТСКИЙ КОНТРОЛЬ

Опасность для беженцев

15 июня 1940 года Советские войска оккупировали Литву. Вслед за этим коммунистическое руководство приступило к преобразованию экономической и государственной структуры. 4 августа после символического народного голосования Литва формально стала Литовской Советской социалистической республикой.

Новый режим развязал руки советской службе безопасности – НКВД, мишенью которой были левые и правые анти-коммунисты. В Вильнюсе и Каунасе политически активные беженцы затаились, некоторые стали жить по фальшивым документам. Отсутствие постоянного места жительства и работы делало беженцев беззащитными. Многие не хотели принимать советское гражданство, поскольку это могло лишить их возможности когда-либо вернуться домой. Альтернативой, однако, была высылка их в Сибирь или в другие отдаленные районы в качестве “неблагонадежных элементов” – судьба, постигшая десятки тысяч беженцев, живших в оккупированной Советским Союзом восточной Польше.

“В воздухе пахло дымом... Весь день мимо нас проезжали советские танки. Что-то должно было произойти, и это приводило нас, несчастных беженцев, в дрожь.”
Роза Шошана Каган, Вильнюс, 14 июня 1940 года.

“Аресты производились постоянно и так бесшумно, обычно под покровом ночи, что казалось настоящий мрак навис над страной.”
Американский консул Оуэн Норман, Каунас, 25 июля 1940 года.

СПАСИТЕЛИ

Помощь голландского и японского дипломатов

После установления советской власти в Литве беженцы вновь оказались в ловушке. Немецкое вторжение в западную Европу несколькими неделями ранее, и падение одной за другой таких стран как Нидерланды, Бельгия, Люксембург и Франция разрушили всякие иллюзии относительно быстрого окончания войны на западе.

Возможностей для побега было немного, и все они требовали дипломатического позволения – визы – для пересечения межгосударственных границ. После того как Советы распорядились закрыть все консульства к 25 августа 1940 года, время стало работать против беженцев. Без виз они могли застрять в коммунистической Литве.

Для некоторых счастливых путь к спасению от надвигавшейся опасности лежал в Азиатском направлении. Они использовали странную комбинацию пропусков: фиктивную визу на Кюрасао (голландская колония на Карибских островах, о которой мало кто слышал) и транзитную японскую визу. Эти ценные документы выдавались зарубежными представителями, чувствовавшими ответственность за кризис, перед которым стояло человечество.

Иммиграционные ограничения

Соединенные Штаты и контролируемая Великобританией Палестина были наиболее желаемыми пунктами назначения для беженцев, но суровые законы и установки ограничивали въезд в обе эти страны. Единственной надеждой было обойти стандартную иммиграционную процедуру с помощью зарубежных организаций. Но и они не смогли ничего предпринять после закрытия консульств в Литве. Американский консул успел выдать только 55 виз, в то время как британский представитель сумел раздать 700 палестинских удостоверений для сионистской молодежи, раввинов и других. Сотни людей все еще нуждались в визах.

Помощь из Голландии

Совершенно неожиданная помощь в решении проблемы с визами в Каунасе пришла из Голландского консульства. Голландский посол в Прибалтийских странах Л. П. Дж. Декер уполномочил исполняющего обязанности консула в Литве Яна Звартендийка выдать разрешения, гласившие, что "для въезда иностранцев в Суринам, Кюрасао и другие голландские владения в Америке виза не требуется".

"Если кто-нибудь и заслуживает титула "ангел Кюрасао", так это Его Превосходительство де Бекер, который предоставил мне удачный текст для псевдо-визы."

Ян Звартендийк, послевоенное свидетельство

Л. П. Дж. Де Бекер

Его Превосходительство посол

В течение 34-летней работы в Нидерландском Министерстве иностранных дел Л. П. Дж. де Бекер назначался дипломатом в Европе, Азии и на Ближнем Востоке. В 1939 году он стал послом в Риге, Латвия. После закрытия Советами всех посольств в Прибалтийских странах Бекер уехал в Стокгольм. Он умер в 1948 году, не оставив никаких комментариев о его центральной роли в предоставлении псевдо-виз.

Ян Звартендийк

“Мистер Филипс Радио”

Ян Звартендийк 4 года работал в голландской компании “Филипс”, производящей электрические лампы и радио. Затем в 1939 году он стал директором литовского филиала компании. Захват Советами его кабинета в Каунасе в начале августа 1940 года положил конец его деятельности и выдаче им виз в Кюрасао. Месяцем позже Звартендийк вернулся в оккупированные немцами Нидерланды, чтобы продолжить работу в главном отделении компании “Филипс” в городе Эйндховен. На протяжении долгих лет многие, благодарные ему за помощь, знали его как “Мистера Филипс Радио”.

“Японский консул, ставивший транзитные визы в паспорта делал смехотворные для того трагического времени замечания. Несколько раз по телефону он просил не выдавать визы так быстро, потому что он не может справиться с огромным наплывом людей, ожидающих своей очереди у входа в здание”.

Ян Звартендийк, послевоенное свидетельство

Японские транзитные визы

Бегство из превратившейся в поле битвы Европы в Кюрасао означало пересечение Тихого океана – путь, преодолеть который помогал исполняющий обязанности японского консула в Литве Чиун Сугихара. Не имея четких инструкций из Токио, он предоставлял десятидневные японские визы сотням беженцев, направлявшихся в Кюрасао. Перед закрытием консульства Сугихара даже выдал визы тем, у кого не было вообще никаких туристических документов, только надежда на выезд из Литвы и получение любым путем разрешения на въезд в Соединенные Штаты.

“В конце концов я понял, что совершенно бесполезно продолжать какие-либо переговоры с Токио. Я просто терял время, которое уходило еще и на то, чтобы подготовить консульство к эвакуации... Я начал выдавать японские транзитные визы без официального разрешения.”

Чиун Сугихара, послевоенное свидетельство

Чиун Сугихара

Японский Императорский консул

Чиун Сугихара был первым японским дипломатом в Литве. Проживший 16 лет в Харбине, Маньчжурия, среди русских эмигрантов и свободно говоривший по-русски, в конце 1939 года он был послан в Каунас для разведывательной работы, касающейся передвижения советских и германских войск. После отъезда из Литвы в начале 1940 года он получил

повышение по службе и был назначен консулом в Праге, Кенигсберге и Бухаресте. Когда в 1947 году Сугихара вернулся в оккупированную американскими войсками Японию, министр иностранных дел уволил его, назначив небольшую пенсию и объяснив это большим сокращением штата.

Телеграфная переписка

После того, как Сугихара выдал 1 800 виз, он получил, наконец, ответ на телеграмму, посланную министру иностранных дел в Токио по поводу ситуации в Литве. 16 августа 1940 года Токио сообщило, что люди с визами, выданными Сугихарой, и направляющиеся в Соединенные Штаты и Канаду, прибывают в Японию без денег и виз конечного пункта назначения. “Вы должны быть уверены, что они закончили процедуру по получению въездных виз, а также имеют при себе необходимое количество денег для переезда и для пребывания в Японии. В противном случае вам не следует выдавать им визы”.

В своем ответе, посланном приблизительно 1 сентября, Сугихара признал факт выдачи виз людям, не закончившим оформление виз для конечного пункта их маршрута. Он объяснил смягчающие его вину обстоятельства: Япония была единственной транзитной страной для переправки беженцев в Соединенные Штаты, и его визы были им нужны для отъезда из Советского Союза. Сугихара предложил, чтобы путешественники, прибывающие в советский порт Владивосток с неоформленными документами, не допускались на пароход, следующий в Японию. Токио написало в ответ, что Советский Союз настаивает, чтобы Япония выполнила условия, связанные с уже выданными ее консульствами визами.

Японская политика по отношению к евреям

В конце 1938 года Министерство иностранных дел информировало свои посольства, что занимать антиеврейскую позицию не в интересах Японии. К евреям относились как ко всем остальным иностранцам в ситуациях, когда речь шла об иммиграции в Японию. Телеграф извещал о возрастающих проблемах беженцев. Осенью 1938 года евреи, бегущие от нацистского преследования, осаждали японские консульства в Вене, Берлине и других городах Рейха, добиваясь разрешения на въезд в Шанхай (тогда часть Японской Империи) и транзитных виз через Японию в конечные пункты следования.

“В нынешней ситуации важным для Имперской дипломатии является поддерживание близких, дружеских отношений с Германией и Италией. Нам следует взять за правило избегать активно принимать евреев, изгнанных нашими союзниками, но радикальная высылка евреев из страны, как это делает Германия, противоречит духу Империи, в течение долгого времени защищающей расовое равноправие. Это также может привести к неблагоприятным результатам в развитии военной экономики в условиях критической ситуации, перед лицом которой сейчас стоит Империя, в особенности при необходимости привлечения иностранного капитала для экономического развития и предотвращения ухудшения отношений с Соединенными Штатами”.

“Власть коммунистов в этой стране быстро растет. Под влиянием НКВД совершается много террористических актов. Около 100 человек приходят к нам ежедневно, и толпы

евреев заплняют наше здание, прося визы в Соединенные Штаты через Японию. “
Чиун Сугихара, Каунас, 28 июля 1940 года.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Транссибирская магистраль в Японию

Давление на польских евреев усилилось к концу 1940 года, когда после оккупации Литвы Советским Союзом новое правительство поставило всех беженцев перед выбором – либо принять советское гражданство, либо быть отправленными в Сибирь в качестве “неблагонадежных элементов”. Ободренные сообщениями от тех, кто благополучно переправился по Транссибирской магистрали в восточный порт Владивосток, сотни еврейских беженцев обратились к властям за выездными визами. До сих пор остается неизвестным, почему Советы разрешили беженцам с польскими туристическими документами, многие из которых имели сомнительную юридическую силу, покинуть Литву. Тем не менее особый статус беженцев дал им возможность эмигрировать, в отличие от евреев-коренных жителей Литвы, ставших советскими гражданами после аннексии Литвы Советами.

Не всем беженцам удалось воспользоваться помощью Звартендийк и Сугихары, чтобы уехать из Литвы. У некоторых не было достаточно американских долларов, которые советские власти требовали для оплаты дорогих железнодорожных билетов. И хотя “Джойнт” помог оплатить дорожные издержки сотням пассажиров, он не смог поддержать всех.

“Нас переполняли смешанные чувства радости и глубокой тревоги. Достигнем ли мы благополучно места назначения или это очередной советский трюк, чтобы выявить тех, кто хочет бежать из их “райского сада”. Эмиграция из коммунистической России была неслыханным делом”.

Бенжамин Фишов, послевоенные воспоминания

“Пересекая море и двигаясь в сторону Японии, мы с беспокойством ждали тот день, когда русские территориальные воды окажутся позади. Наконец это произошло. Красный флаг был спущен, и советская администрация покинула корабль. Впереди была свобода. Япония для нас была по истине страной восходящего солнца”.

Оскар Шенкер, сентябрь 1941 года

БЕЗ СРЕДСТВ

Беспокойные поиски конечного пункта следования

2 100 польских еврейских беженцев прибыло из Литвы в японский город Кобе. Измученные и без гроша в кармане, они приходили в себя благодаря неустанной поддержке еврейской общины и фондам “Джойнта”. Некоторые из них смогли сразу продолжить свой путь в Соединенные Штаты и другие страны. А для сотен других пребывание в Японии продлилось от недель до месяцев, и многие беженцы уже разуверились в возможности получения виз в американском консульстве и представительствах других стран, куда они обращались.

Неуверенные в завтрашнем дне переселенцы не могли оценить экзотическую Японию. Их непрекращающаяся тревога о родственниках, оставшихся в оккупированной Польше, усилилась после сообщения о нападении Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года. В июле того же года Соединенные Штаты объявили эмбарго на экспорт нефти в Японию. Вскоре после этого Япония оккупировала Французский Индокитай. Когда стало ясно, что война может разразиться на Тихом океане, все внимание беженцев приковала главная морская база в Кобе – место военных учений.

Помощь еврейской общины города Кобе

С согласия японских властей представитель еврейской общины в Кобе встречал нуждающихся в помощи беженцев в момент их прибытия в город Цуруга и затем сопровождал их в поезде, следующем в Кобе. Используя фонды, предоставленные “Джойнтом”, еврейская община, руководимая Анатолием Поневежским, организовала общежития, где селили беженцев, обеспечивала их продуктами питания, а также брала на себя ходатайство за них перед местными официальными организациями.

“Человек думает не об исходе из Египта, произошедшем много лет назад, а только лишь о закрытых границах, через которые ему нужно пройти... и кто знает, что еще нас ждет. Куда мы теперь должны бежать?”

Роза Шошана Каган, Пасха, 1941 год

Анатолий Поневежский

Анатолий Поневежский родился в сибирском городе Иркутске. В 1930 году он с братом переехал в Харбин, Манчжурия, где они открыли свое дело – импортировали шерсть из Японии. В 1935 году Поневежский уехал в Японию, чтобы открыть там дело и позднее осел в Кобе с женой и двумя дочерьми. Он организовал ашкеназскую еврейскую общину из 25 семей, сняв в аренду здание на улице Ямамото-Дори. Он разместил там синагогу, центр общины, а в 1940 и 1941 годах - центры по оказанию помощи беженцам. После войны Поневежский открыл магазин розничной торговли, в котором короткое время работал Чиун Сугихара.

Новые поиски виз

Визы в голландскую колонию Кюрасао, с которыми беженцы не смогли покинуть

Советский Союз, доказали бесполезность иных попыток вырваться оттуда, кроме как рассчитывая на японские визы. Необходимость в имеющих силу визах заставляла беженцев обивать пороги консульств в Кобе, Йокохаме и Токио. Более 500 польских евреев добились получения американских виз до декабря 1941 года, но новые, связанные с войной иммиграционные ограничения, не пропустили сотни других, рассчитывавших на въезд. Получение документов для въезда в Палестину было еще более проблематичным, а мероприятия по переезду – более сложными и дорогостоящими.

“Запуганные нарастающим наплывом беженцев из Европы, в том числе евреев из Германии, Австрии и Балтийских стран, страны Американского континента все более безжалостно захлопывают перед ними двери”.

Польский посол Тадеуш Ромер, Токио, 15 января 1941 года

Тадеуш Ромер

Потомок польской знати Тадеуш Ромер был назначен послом в Японию в феврале 1937 года. В течение 1940-1941 годов он посылал подробные отчеты о польских беженцах в Японии и помощи, оказываемой сотрудниками консульства, включая предоставление надежных удостоверений личности, встречу кораблей в Цуруге для ускорения оформления документов и содействия в получении виз в Британские колонии. Ромер был сторонником особого отношения стран-союзников к польскими беженцами на Дальнем Востоке, при котором “не принимались в расчет расовые, религиозные и политические убеждения”.

“Окончательное решение еврейского” начинается

Беженцы постоянно беспокоились о членах их семей, оставшихся в Польше. Почтовые открытки из дома немного успокаивали их, но после 22 июня 1941 года, когда Германия напала на Советский Союз, связь прервалась. В Вильнюсе и на других оккупированных немцами территориях первые массовые расстрелы евреев нацистами и их союзниками положили начало убийствам в период Холокоста. До окончания войны беженцы почти ничего не знали о тех событиях и о судьбе своих родных.

Еврейско-японский опыт общения

Японская общественность была гостеприимной по отношению к еврейским беженцам. Кроме того японцы были заинтригованы: студенты ешивы (религиозного учебного заведения) выглядели совершенно по-иному. В Кобе беженцами заинтересовался авангардистский фото клуб “Танпей”, члены которого фотографировали многих беженцев в конце апреля 1941 года. После войны большинство беженцев вспоминали любопытство японцев и отмечали отсутствие антисемитских настроений

“Несмотря на близкие отношения Японии с Германией, не было ни одного случая дискриминации евреев и комментарии прессы не были враждебными.”

Рой М. Мелбурн, американский вице-консул, Кобе, 22 мая 1941 года

“Вечный Жид”

Члены клуба “Танпей Шашин” города Осаки два дня подряд фотографировали беженцев в апреле 1941 года. В мае того же года 22 работы из этой серии были представлены на выставке “Вечный Жид” в музее Асахи Кайкан. Комментируя портрет учащегося ешивы (“Мужчина”), напечатанный в журнале *Асачи Камера*, его автор Канейоши Табуши писал: ” В выражении лица скитальца не только скорбь и страдание... но и стойкость людей разшвырянных по всему миру. Они не могут скрыть своего беспокойства. Они сражаются за то, чтобы не быть побежденными”.

Конечный пункт следования

К осени 1941 года более 1000 еврейских беженцев из Польши покинули Японию. Приблизительно 500 человек отплыли в Соединенные Штаты. Небольшая группа получила визы в Канаду и другие английские владения благодаря помощи польского посла Ромера. Однако около 1000 остались в затруднительном положении, не сумев добиться какой-либо визы. Готовясь к войне, за несколько недель до нападения Японии на Перл Харбор, полиция очистила военный порт Кобе. С середины августа до конца октября 1941 года они отправили оставшихся беженцев в Шанхай, в оккупированном Японией Китае.

ИЗГНАНИЕ

Выживание в Шанхае

Еврейские беженцы из Польши, находившиеся в Японии, слышали, что Шанхай – это густонаселенное, грязное и преступное “логово”. Тем не менее, сойдя с парохода, они были шокированы видами и запахами, встретившими их. В европейском квартале города сотни тысяч нищих китайцев жили рядом с иностранной общиной, во главе которой находилась богатая элита британских и американских торговцев и финансистов. Беженцы встретили здесь и организованную общину русских евреев, насчитывавшую 4 000 человек, которые оказали им посильную помощь, а также более 17 000 немецких и австрийских евреев, бежавших от нацистских преследований. Застрявшие в Шанхае из-за войны на Тихом океане, еврейские беженцы страдали от недостатка пищи, одежды и медикаментов. Страдания усиливались постоянной безработицей и изоляцией при полном отсутствии вестей от родных, оставшихся в оккупации. Вынужденные подчиниться бесчисленным японским законам, они стали жить в “отведенном районе” для беженцев, “не имевших гражданства”. Тем не менее, отношение к евреям в Шанхае было относительно мягким – факт, который сами беженцы осознали только после окончания войны, узнав о Холокосте.

Община еврейских беженцев из Германии

Большинство немецких и австрийских евреев-беженцев, находившихся в Шанхае, жили в многонаселенных, полуразрушенных постройках барачного типа (иронически называвшихся *Heime* – домами), субсидированных Американским еврейским объединенным комитетом по распределению. Прибывшие первыми смогли как-то организовать свою жизнь. Некоторые открыли небольшие магазины и сыроварни. Другие стали строителями и арендаторами, занявшись перестройкой сектора Хонкю – промышленного района европейского квартала, сильно пострадавшего в 1932 и в 1937 годах во время китайско-японского конфликта.

Лора Марголис

Единственная работавшая за границей женщина-представительница комитета “Джойнт”, Лора Марголис, в начале своей деятельности помогала беженцам из Германии в 1939 году попасть на Кубу. В мае 1941 года она была послана в Шанхай, но начавшаяся на Тихом океане война прервала ее работу по оказанию содействия беженцам в эмиграции. Находясь в Шанхае, Марголис привлекала фонды местной еврейской общины и предоставляла поддержку 8 000 беженцам. В начале 1942 года японцы интернировали ее как подданную враждебного государства. Марголис вернулась в Соединенные Штаты в результате операции по обмену военнопленными.

“Шанхайское гетто”

После того как Япония атаковала Перл Харбор, японские власти ввели более строгие меры безопасности. Приняв тот факт, что их нацистские союзники лишили немецких и австрийских евреев гражданства, в начале 1943 года японцы приказали беженцам без гражданства – включая евреев из Польши – поселиться в “специально отведенном районе”

европейского квартала. Ограниченность в передвижении и лишения военного времени делали жизнь “Шанхайского гетто”, как называли его обитатели, очень непростой, хотя они не подвергались ежедневному террору как евреи, находившиеся в европейских гетто.

“Это объявление ошеломило шанхайских евреев... Для беженцев это означало как будто с ними произошло самое ужасное, что могло произойти после всего, что они уже пережили.”

Лора Марголис, 1944 год

Культура и политика

Польские писатели-евреи использовали выражение на идиш для описания Шанхая: “шонд хай” – позор жизни. Однако несмотря на это настроение, жизнь продолжалась в этом чужом и изолированном месте. Чтение стихов на идиш, выпуск газет на польском и идиш, создание произведений искусства и постановок, хоть и единичных из-за материальных трудностей и японской цензуры, поддерживали оставшихся в живых беженцев, переселившихся из Польши. Японцы запретили открытое выражение политических взглядов, но сионисты и бундовцы продолжали тайно действовать на протяжении всей войны.

Община ешивы “Мир”

Бежавшие из Польши студенты ешивы во время войны продолжали свое образование. Они делали копии нескольких книг, привезенных в Шанхай из Польши или посланных людьми, оказывавшими им поддержку, в особенности раввином Калмановичем из Нью Йорка. Ешива “Мир” собиралась в синагоге Бейт Ахарон, построенной одним из самых богатых членов шанхайской сефардской еврейской общины. Прошедшая через многочисленные повороты судьбы, ведомая лидерами из Польши в Японию и Шанхай, ешива “Мир” стала единственной европейской ешивой, уцелевшей во время Холокоста.

Конец войны

Назадолго до окончания войны во время бомбардировки американцами промышленного района Хонкю погибли 40 еврейских беженцев, в их числе семеро польских евреев, и сотни китайцев. Вступление американских войск в Шанхай было встречено ликованием, быстро омраченным известиями о Холокосте. Большинство беженцев с весны 1941 года ничего не слышали о родственниках, оставшихся в оккупированной Польше. Прошло много месяцев, прежде чем они смогли узнать о судьбах всех родных и друзей. Почти шесть миллионов евреев было уничтожено во время Холокоста, три миллиона из которых были евреями из Польши.

“Слух о том, что все евреи Польши были уничтожены – правда. Мы, польские беженцы, бродим с заплаканными лицами, потому что мы оставили всех по ту сторону. Многие чувствуют себя виноватыми, что остались живы, когда их близкие погибли такой ужасной смертью”.

Роза Шошана Каган, Шанхай, 8 сентября 1945 года

ПОГИБШИЕ

“Бог помнит – Бог помнит; мы о большем не просим. Только помнить – 5 700 000.”

“Пять миллионов семьсот тысяч – сердце обливается кровью, руки дрожат, когда пишут такие цифры”.

“Мы потеряли три поколения, старого дедушку с его внуком. Они были уничтожены в один и тот же день. Польские поля горевали, литовские деревья тосковали, и поруганная Европа плакала – где наши евреи? Почему наша земля стала для них могилой?”

СЕМЕЙНЫЕ СТРАНСТВИЯ

Меламдович

До войны Ицхок Меламдович был учителем математики и членом муниципального совета Белостока в Польше. 8 сентября 1939 года он покинул город вместе с другими известными горожанами, опасавшимися оказаться у немцев в заложниках. Боясь ареста, Ицхок не вернулся домой и после оккупации города Советскими войсками. Его жена Фейгла и сын Лейб приехали к нему в Вильнюс в конце октября 1939 года. В январе 1941 года, через пять месяцев после получения двух последних виз, выданных Сугихарой, семья покинула Литву. В апреле того же года они отплыли из Японии в Соединенные Штаты.

Сондхаймер

Немецкий еврей, бежавший из нацистской Германии в 1934 году, Мориц Сондхаймер владел маленькой фабрикой по производству пластиковых пуговиц и расчесок в Каунасе, Литва. Летом 1940 года Советы отобрали у него бизнес, и в августе того же года он с женой Сетти, детьми Ханни и Карлом получили от Звартендийка визы в Кюрасао, а от Сугихары – транзитную визу в Японию. Они были одними из немногих беженцев, не имевших польского гражданства, кому были выданы эти визы. Прибыв в Японию в начале 1941 года, Сондхаймеры не смогли получить разрешения следовать дальше и были депортированы в конце лета в Шанхай. После войны они иммигрировали в Соединенные Штаты.

Дымант

5 сентября 1939 года студент юридического факультета Якуб Дымант последовал призыву, прозвучавшему по радио и рекомендовавшему всем мужчинам призывного возраста покинуть Варшаву до прихода немецких войск. 23 октября он добрался до Вильнюса. В августе 1940 года Звартендийк выдал Якубу визу в Кюрасао, а Сугихара – транзитную визу в Японию, и в феврале 1941 года он покинул Литву. После пяти месяцев пребывания в Японии, благодаря помощи польского посла Тадеуша Ромера, он получил визу в Бирму. В начале 1942 года японские войска атаковали Бирму, и Якуб бежал в Индию. В 1946 году он приехал в Соединенные Штаты.

Свислоцкий

До войны Абрам Свислоцкий был журналистом в Варшаве, а его жена Маша работала в химической промышленности. После вторжения Германии в Польшу он был мобилизован в армию, а позднее попал в Вильнюс. Преодолев опасный путь, Маша с сыном Норбертом тоже добралась до Вильнюса. 27 июля 1940 года их семья получила визы из голландского и японского консульств в Каунасе, и шесть месяцев спустя они покинули Японию. Не пройдя таможенную проверку при посадке на корабль, направлявшийся в Палестину, Свислоцкие вынуждены были провести всю войну в Шанхае. В 1947 году они иммигрировали в Соединенные Штаты.

Шепсенвол

В 1939 году вдова Рыкля Шепсенвол жила с дочерьми Фейгой и Хаей в Воложине на

востоке Польши. После оккупации Польши Советским Союзом девушки вместе с друзьями из сионистской молодежной группы уехали в Вильнюс. Несколько месяцев спустя Рыкля рискнула нелегально пересечь границу, чтобы присоединиться к дочерям. В мае 1941 года Фейга и Хая получили американские иммигрантские визы. Используя материальную поддержку родственников, живших в Америке, и японскую транзитную визу, выданную Сугихарой, весной 1940 года они прибыли в Соединенные Штаты. Через год Рыкля последовала за ними.

Лифшиц

До войны Давид Лифшиц был главным раввином города Сувалки на северо-востоке Польши. В конце октября 1939 года, после того как немецкие оккупанты заставили всех евреев покинуть район Сувалок, Лифшиц повел свою семью опасной дорогой через болотистые места к границе с Литвой. Его новорожденная дочь Авивит Рашель умерла во время этого перехода. В марте 1941 года вместе с прочими беженцами, получившими транзитные японские визы в Москве, раввин Лифшиц, его жена Ципа и дочь Шуламис пересекли Россию по Транссибирской магистрали. В мае того же года они отплыли из Японии в Соединенные Штаты.

“Мы чувствовали, что потеряли все, чем прежде жили. Но в то же время понимали, что нам дарована жизнь, это было чудом, случайностью. Мы старались не мучать себя вопросом: “Чем я заслужил то, что остался в живых, когда мои братья погибли, когда моя семья уничтожена?”

Беженец Йоня Файн